

УДК 81'42.001.4:811.124
DOI: 10.17223/19986645/71/4

Н.И. Данилина, Е.А. Разумовская

ПРОЯВЛЕНИЕ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОГО НАЧАЛА В ЖАНРЕ ДИССЕРТАЦИИ (У ИСТОКОВ ЯЗЫКА НАУКИ)

На материале латиноязычной диссертации по анатомии рассматриваются особенности проявления индивидуально-авторского начала в научном тексте XVIII в. Наряду с языковыми средствами смысловой и формально-композиционной организации текста, сходными с современными, отмечаются значительно более сильный субъективно-оценочный компонент (обилие экспрессивных лексических и грамматических средств) и богатая образность (преимущественно сравнения и метафоры), наличие риторических приемов диалогизации.

Ключевые слова: язык науки, литературное произведение, жанровый канон, авторизация, оценочность, экспрессивность, метафора

Введение

Проблема «авторского присутствия» в научном тексте привлекла внимание исследователей в конце XX в. – с актуализацией в лингвистике антропоцентрического подхода. Новый круг проблем, которые ставятся и решаются исследователями научной речи, сформулировал С.А. Виноградов: «1) характер конститутивных признаков авторской индивидуальности; 2) системы репрезентации, соотносимые с данными признаками; 3) типология авторской индивидуальности» [1. С. 94]. Новое направление зародилось в рамках функциональной стилистики – как естественный итог изучения научного стиля и осознания того, что он не так имперсонален, как представлялось вначале. Научное знание, по мнению М.П. Котюровой, складывается из трех аспектов: онтологического, аксиологического и методологического; при этом аксиологический аспект напрямую связан с субъектом познавательной деятельности [2. С. 19], выполняет текстообразующую функцию и «проявляется в отборе тех или иных способов интерпретации понятий и количественного использования в тексте средств их выражения» [2. С. 21]. Феномен оценочности в научной речи изучался Н.В. Данилевской. В соответствии с аспектами представления научного знания, обозначенными М.П. Котюровой, автор выделяет «разновидности познавательных оценок – 1) оценка онтологической стороны знания, 2) оценка методологической стороны знания, 3) рефлексивная оценка, 4) коммуникативно-прагматическая оценка» [3. С. 84]. Коммуникативно-прагматической стороне авторской самореализации уделяет особое внимание Е.А. Баженова, акцентируя взаимодействие автора и адресата: «...в отношении изложения научного содержания, т.е. оформления и развертывания текста... субтекст адресации просто необходим», так как он «эксплицирует

логико-композиционную структуру текста», демонстрирует «последовательность мыслительных операций», «управляет вниманием читателя, создавая смысловые опоры для адекватного восприятия и запоминания интеллектуальной информации» [4. С. 221].

Наряду с констатацией общей цели сознательного проявления индивидуально-авторского начала в научной речи исследователями рассматривались и конкретные функции тех или иных маркеров авторского присутствия. Так, Е.А. Баженова выделяет и изучает «1) композиционно-ориентирующие операторы, 2) делимитирующие операторы и 3) мыслительно-активизирующие операторы» [4. С. 222], различные виды ксенопоказателей (кавычки, имена собственные, способы оформления ссылок, ввода чужой речи и т.п.) [5. С. 63]. Классификацию по тем же основаниям, но более детальную предлагает Е.Ю. Викторова [6]. Авторы и цитированных работ, и многих других обращаются к выявлению набора языковых средств авторизации. В целом можно отметить, что средства эти принадлежат разным уровням языковой системы. На семантическом уровне возможен перенос значения от «метафорического сдвига» [7. С. 133] в рамках грамматической основы предложения до целых метафорических высказываний (многочисленные работы по метафорике научной речи, например [8–11]). Синтаксический уровень представлен и специальными языковыми единицами типа союзов и частиц (и шире – дискурсивов [6]), и синтаксическими риторическими структурами [3. С. 88]. На лексическом уровне авторское присутствие проявляется использованием, с одной стороны, предикатов речи и мысли, по умолчанию содержащих в значении «сему антропонимичности» [7. С. 133], с другой – оценочной и экспрессивной лексики [3. С. 8–10; 7. С. 133]. Морфологическим средством авторизации речи выступают косвенные наклонения (конъюнктив, императив) и модальные глаголы [7. С. 133].

Таким образом, в настоящее время лингвистика располагает достаточно развитым теоретическим и методологическим аппаратом для анализа приемов авторизации научной речи. В то же время нельзя сказать, что эта область исследована широко и всесторонне, поскольку собранный материал во многих отношениях фрагментарен: изучается научный дискурс далеко не всех языков и научных сфер, а среди отдельных авторов – преимущественно лингвистов.

Материалом нашего исследования стал текст докторской диссертации «De circulo sanguinis in corde» («О кровообращении в сердце») знаменитого немецкого врача А.К. Тебезия (1668–1720), защищенной в 1708 г. в Лейденском университете [12]. Обратиться к нему нас побудили два обстоятельства: во-первых, время создания – период, для которого существование научного функционального стиля в его современном понимании представляется дискуссионным, а такой феномен, как «язык науки» этого периода, не рассматривался с точки зрения его дискурсивных свойств; во-вторых, диссертация, в согласии с этическими принципами науки того времени, написана на латинском языке, поэтому не могла попасть в поле

зрения исследователей, занимающихся проблемами научного дискурса. Между тем язык науки и XVII, и во многом XVIII вв. – это именно латинский язык, и именно в его лоне происходит зарождение тех принципов, которые затем лягут в основу научного стиля современных национальных языков. Названный труд до сих пор не был переведен на русский язык, поэтому перевод всех приводимых в статье цитат выполнен нами.

Автор как субъект оценки

Рассмотрим наш материал, следуя схеме типовых субтекстов научного текста, предлагаемой Е.А. Баженовой. Начнем с субтекста оценки, т.е. «отношения автора к старому и новому знанию» [13. С. 11]. Отметим, что у Тебезия субтекст старого знания и субтекст его оценки связаны практически неразрывно, и связь эта выражена не столько специальными дискурсивными элементами, сколько лексическими и грамматическими средствами. В изучаемом материале мы обнаруживаем следующие виды оценки «эпистемического фона».

Во-первых, упоминаются фамилии исследователей-предшественников, сопровождаемые эпитетами, подчеркивающими значимость и научную добросовестность как самих ученых, так и их трудов: *post Vesalii, Columbi, Fallopii, Spigelii, Riolani, Harvei, aliorumque tot insignium virorum indefessos labores* (после **неутомимых** трудов Везалия, Колумба, Фаллопия, Спигелия, Риолана, Гарвея и других столь же **выдающихся** мужей); *Quod omne, cera, artificiosa manu, immissa eleganter nobis sistitur, et icone, quam fieri potuit accurato primum exhibitum est a Cl. Ruysch* (Все это в воске, **искусной** рукой введенном, для нас застывает **изящно**, и в изображении, **сколь возможно точно**, представлено **славным** Руйшем). Употребление лексем положительной оценки при фамилии ученого является для Тебезия практически нормой: 11 упомянутым фамилиям из 14 сопутствует эпитет. Данная особенность, хотя не так ярко, характерна и для ссылок на конкретные труды (7 случаев из 12), например *...ut ingeniose scripsit D. Stroem in nova theoria mot. recipr. machinanim*. (как **остроумно** написал господин Штрём в «Новой теории возвр<атных> движ<ений> жив<ого> механ<изма>»). Некоторые из подобных эпитетов, вероятно, представляли собой клише, так как подвергаются сокращению: *...Cl. Bergerum libr.2. de nat. c.28. cito ...приведу гл. 28 2-й кн. **дост<очтимейшего>** Бергера «О <человеческой> прир<оде>»*.

Во-вторых, некоторые знания, по-видимому широко распространенные, излагаются без ссылок на конкретные персоны. Здесь возможны разные варианты. Если излагаемый вопрос представляется автору важным, то используются перифразы, содержащие опять-таки лексику положительной оценки: *De qua re... multi viri egregii amplius commentati sunt*. (Об этом... **многие выдающиеся** мужи **пространнее** написали). В случаях, менее значимых или представляющихся автору дискуссионными, используются местоименные выражения без эпитетов или употребляются глаголы в пас-

сивном залоге: *Quamvis enim dentur quidam, qui afferunt, glandulas in basi cordis sibi esse observatas... Eae tamen... a pluribus Anatomicis prorsus negantur* (Хотя ведь встречаются **некоторые, кто утверждает**, что они наблюдали железы в основании сердца... Однако **большинством анатомов** они вообще **отрицаются**); *Sunt etiam, qui glandulam thymum huius liquoris fontem afferunt, quibus tamen vix affentiedum esse duco* (Есть также **те, кто утверждает**, что вилочковая железа является источником этой жидкости; с ними, однако, я полагаю, едва ли можно согласиться); *similis redditur haec assertio* (похожее **сообщается утверждение**).

В-третьих, Тебезий не только оценивает предшествующее знание, но в некоторых случаях упоминает своих коллег безотносительно к их мнениям. Например, во введении он перифрастически обращается к ученому собранию (с использованием оценочной лексики): *...judicent viri me peritiores, quorum judicia si benigna accepero, audentior fiam* (...пусть судят **люди более меня знающие**, чьи **благожелательные суждения** ежели я приму, стану смелее). Тебезий прибегает к подобному приему и в самом тексте работы, излагая ход своего опыта: *Id quod cum ante hac viris in re anatomica exercitatissimis, tum Lipsiae et Halae et Jenae, tum alibi in Germania exposuerim, jamque his in terries tot anatomiae statoribus cum obtento affensu demonstraverim; spero, fore; ut viri me longe sagaciores hanc rem penitius sint indagaturi* (То, что я до этого **мужам, наиболее сведущим** в анатомии, в Лейпциге, в Галле, в Йене, как и в других местах в Германии, излагал, и уже в этих землях **служителям анатомии** при достигнутом **одобрении** показывал, **надеюсь**, станет так, что **мужьи, более меня талантливые, глубже** исследуют). Отметим, что экспрессия достигается в описанных случаях не только лексическими, но и грамматическими средствами – употреблением сравнительной и превосходной степени прилагательных. Подобные фрагменты служат увязыванию старого знания с представляемым новым, это риторический прием апелляции к авторитету.

С другой стороны, такие пассажи могут быть рассмотрены и как элементы субтекста авторизации, т.е. «выражения отношения автора к содержанию и форме своего текста» [13. С. 11]. Особенно отчетливо это отношение заявлено в предисловии, где, как и в современных диссертациях, обосновывается актуальность работы. Открытому возвеличиванию предшественников сопутствуют здесь многочисленные разнообразные лексические, синтаксические и грамматические (конъюнктив, герундий, футурум, степени сравнения) средства снижения категоричности, подчеркивания собственной незначительности. Приведем, например, такую цитату: *Tantum tamen abest, ut illi viri eruditi rem omnem cognoverint... nec forsitan per omne speculum novorum inventorum finis sit sperandus* (Нем, однако, того, чтобы эти **ученые мужьи** познали вещь целиком... и, **пожалуй**, в течение всего столетия **не стоит надеяться** на окончание новых исследований). *Id quod testantur ii, qui... curatius indagentes pulcherrimos naturae mechanismos... nobis exposuerant. Quibus ut multo plura jugenda supersunt, ita huc quoque collineant paucae haequas conscripti periodi...* (Именно об этом сви-

детельствуют те, кто... усерднее исследуя прекраснейшие механизмы природы, представили нам... Им остается самое большое соединить, поэтому те немногие фразы, каковые я написал, такую же имеют цель...). Интересно, что экспрессивно выраженное уничтожение авторского «я» происходит на фоне не только предшествующего, но и последующего знания. Например, такая цитата из основной части работы: *Sic et ego, qui opus minoris momenti, multum tamen ad illud explicandum faciens, molior, non possum non fateri, ut multa alia in corpora sunt, quorum vim rationemque perspicere, nisi qui corpus animale condidit, possit nemo; ita et hic caecutientem esse, illud explicare aggrediens, quod forsitan ultra captum est* (Так и я, создавая работу более незначительную, но, однако, важную для объяснения этого, не могу не согласиться, что многое другое есть в теле, значение и устройство чего постичь не может никто, кроме Того, кто создал живое тело; так и я ныне слеп, приступая к объяснению того, что позднее, пожалуй, будет понято). *Hic ea, quae dicenda sunt, tanquam probabilia tantum orbi proponere, animus est; ad nugas nostras deserendas, si clarior pateat veritas, paratissimus* (Отсюда и намерение то, о чем я собираюсь сказать, представить миру только как вероятное, и готовность отказаться от наших пустяков, когда истина станет яснее).

Оценку онтологической стороны излагаемого знания можно разделить на оценку фактов и оценку собственных и чужих утверждений. Факты Тебезий оценивает по двум параметрам. Первый – как часто встречаются наблюдаемые явления: *saepissime* ‘весьма часто’, *accedit* ‘случается’, *tam vulgare et frequens occurrit* (столь обычно и часто встречается). Второй – можно ли их сопоставить с чем-то из известного: *neque aliter ac* (не иначе и), *cui simile quid* (на что похоже то, что), *prorsus similes* (совершенно похожие). Оценка утверждений возможна с точки зрения вероятности их соответствия действительности (*nimirum* ‘разумеется’, *haud dubie* ‘без сомнения’, *forsitan* ‘возможно’, *videntur* ‘кажется’, *frustra* ‘безрезультатно’) и с точки зрения точности (*ut potius* ‘лучше сказать’). Хотя перечень примеров далеко не полон, можно заметить, что наиболее разнообразно выражение оценки истинности. Мы видим здесь не только наречия и клишированную глагольную форму *videntur*, но и глагольные формы с модальным значением – конъюнтив (*sit*), футурум (*erimus*), герундий (*negandum*), а также развернутые синтаксические построения. Например, *non negandum sit* (не следует отрицать), *abunde puto cum veritate convenire* (думаю, вполне соответствует истине), *ex dictis patere* (из сказанного ясно).

Следует отметить и широкую представленность экспрессивных средств разных уровней: степеней сравнения (*saepissime*, *minus*), лексических единиц с семой интенсивности (*neutiquam* ‘ни в коем случае’, *vix* ‘едва’, *intensus* ‘безмерный’), развернутых синтаксических построений с модальной семантикой или метафорическим сдвигом. Например: *Ut inde dubitationi locus amplius non sit relictus* (Так что теперь больше не остается места для сомнения); *His ita se habentibus vix video, quid obstet minus afferere possim* (Итак, при таком положении дел я едва вижу, что противоречило

бы). Особенно необычно выглядят с точки зрения современных стандартов жанра диссертации эмоционально окрашенные лексемы и конструкции: *forte fortuna nobis occurrentur* (**по счастливой случайности** нам встречаются); *quod mirere* (что удивительно); *quae immensa ejus vis, nisi oculis a quolibet facillime subjici, animo comprehendere vix posset* (сколь же велика ее сила, **едва возможно вообразить, если нельзя было бы** весьма легко увидеть своими глазами).

Автор и адресат

Субтекст адресации, связанный со смысловым членением текста, в труде Тебезия находит выражение при помощи средств, аналогичных тем, что мы наблюдаем в современном научном дискурсе.

С точки зрения макроструктуры диссертация имеет введение, основную часть, разделенную на 41 параграф, и приложение в виде двух рисунков и списка обозначений анатомических объектов, изображенных на этих рисунках. Отсутствие заключения необычно в сравнении с современными нормами, но при небольшом объеме работы (примерно 5 тыс. слов) не сказывается на восприятии читателем основного содержания. Библиографический список также не представлен, ссылки на труды предшественников даны преимущественно в сокращенном виде, что позволяет предполагать высокую осведомленность адресата в обсуждаемом предмете. Приложение связано с основным текстом системой отсылок, напоминающих современные: *Vid. Fig. I. lit. E. E. E.* (рис. 1, E, E, E).

Смысловое членение текста осуществляется и специальными синтаксическими средствами. Каждый параграф, раскрывающий какую-то микро-тему, начинается вводным словом или конструкцией, аналогичными тем дискурсивам, которые Е.В. Викторова называет «сигналами очередности и последовательности» и «сигналами логических отношений» [6]: *igitur* 'итак', *tamen* 'однако', *hoc vero* 'так и', *atque ut* 'так же как', *sed ut... ita e contrario* 'но как... так, наоборот', *ita* 'таким образом' и т.п. Присутствуют подобные операторы и внутри параграфов, связывая части высказываний.

Управление вниманием читателя автор осуществляет и при помощи экспликации плана развертывания текста: *Ne igitur per ambages demum ad scopum perveniam, omnem cordis vasorumque... descriptionem praetermittam: illa tantem explicaturus, quae proxime rubricae convenient... circulusque sanguinis in corde... exponam* (Итак, чтобы не окольными путями **перейти**, наконец, к цели, **я опишу** все описание сердца и сосудов... то лишь **я собираюсь изложить**, что подходит ближе всего к теме, и **опишу** круг крови в сердце); *Praemissa vasorum cordi propriorum descriptionem, nunc... sagarius scrutari lubet, et modum... augurari...* (**Предпослав** описание сосудов, принадлежащих сердцу, **теперь следует** точнее **исследовать**... и **предположить** способ...). Этой же цели служат и внутритекстовые отсылки типа *prout supra jam monui* (как я **выше** уже упомянул), *qua de re infra mihi amplior erit sermo* (о чем у меня **ниже** подробнее будет речь).

Активизации мыслительных процессов читателя способствует и нарративное изложение собственных опытов, опирающееся на последовательность предикатов мыслительной деятельности: ...*suspicio inde mihi nata est, an non forsan...* (...тогда у меня **родилось подозрение, а не может ли быть так...**), *quare ut certus fierem* (**чтобы в этом удостовериться**), *fidere audebam* (я **отважился верить**), *suspicatus* (**подозревая, что**), *hinc satius fore duxi* (я **счел, что будет лучше**), *haec postmodum eadem cura... indagavi* (**это я затем исследовал с той же заботой**), *nec inquam frustrator aperuerim* (и **никогда не вскрывал сердце безрезультатно**). Тебезий представляет как своего рода нарратив движение не только собственной исследовательской мысли, но и мысли своих предшественников и оппонентов, например: *Miror tamen, cum Cl. Vicussens l.c. dicat... quod nec ulterius... aliquid ediserat, nec altius... prosecutus fit... Nisi forte... intelligi debeant, aut... nec ulterius describendas esse crediderit* (Но меня удивляет, что, хотя **знам<енитейший> Вуксусенс говорит в цит<ируемом> м<есте>... он ничего больше... не пишет, и дальше... не исследует. Если только не следует понимать... или он думал... и решил, что не стоит их дальше описывать**). Отметим и в этих отрывках обилие экспрессивной лексики, модальных операторов и метафорический сдвиг.

Что касается такого распространенного в современном научном языке явления, как авторское «мы», то Тебезию оно, по-видимому, еще чуждо. В тексте диссертации насчитывается 53 случая употребления глаголов в 1 л. ед.ч. и 24 – в 1 л. мн.ч. При этом только в двух из 24 автор имеет в виду себя лично: ...*prorsus denegat, quod secus... clarissime demonstramus* (**<он> вообще отрицает, мы, наоборот, самым ясным образом доказали**); *a veritate minus alieni erimus, si afferamus* (**мы будем недалеко от истины, если станем утверждать**). В остальных случаях имеет место риторический прием – инклюзивное или обобщенно-личное «мы», т.е. «я и ты, читатель» или «всякий, кто»: *si hoc cum animo reputamus, et ... accuratius perspicimus* (если мы **обдумаем это и более внимательно рассмотрим...**), *si paulo fortius pressione instemus* (если **мы нажмем немного сильнее**).

Если сопоставить наши подсчеты с подсчетами Е.Ю. Викторовой, сделанными по материалам русскоязычных лингвистических статей 1953–2005 гг. [14], то обнаружится, что частотность одного только риторического «мы» у Тебезия выше совокупной частотности всех средств диалогичности у современных ученых и составляет примерно 1 случай на 240 словоупотреблений. И это при том, что Тебезий применяет и иные средства диалогизации, уже упомянутые нами (например, перифрастические обращения к читателю). То же следует сказать и о я-конструкциях, максимальное число которых в рамках одной современной статьи составило лишь 16. Мы можем заключить, следовательно, что научное знание предстает у Тебезия отнюдь не имперсональным, и автор, ведя активный диалог с читателем, готов нести личную ответственность за высказываемые мысли.

Образный компонент авторского стиля

Отдельно следует рассмотреть образный компонент языка Тебезия, который искусно вставляет в свое научное описание стилистические фигуры, украшающие речь, делающие ее образной, более легкой для восприятия. Это метафоры, сравнения, литоты и гиперболы, эпитеты, перифразы, риторические восклицания, общие места, делающие язык диссертации метким, образным. Заметим кстати, что силу образных сравнений при описании неких новых вещей и явлений, которые трудно представить, не видя воочию, понимал в своей «Природе вещей» еще Лукреций, заимствовавший у Демокрита известное сравнение атомов с танцующими в лучах солнца пылинками. Цели наглядности изображения служат у Тебезия сравнения и метафоры.

Приведем примеры сравнений. Во введении, характеризуя будущий предмет исследования – устройство сердца, органа, распределяющего кровь по всему живому организму, анатом, чтобы наглядно представить читателю всю сложность работы сердца, пишет, вводя сравнение: *paucas hae quas conscripsi periodi, explicantes rivulum sanguini ab oceano abeuntem* (те немногие строки, каковые я написал, имеют такую же цель – описать ручеек крови, отходящий от океана). Здесь, к тому же, видна и эмоциональная составляющая, отношение Тебезия к предмету и его восхищение им. Или сравнение в описании коронарных сосудов сердца: *duae arteriae... coronae ad instar basin amplectuntur: emissisque deorsum, tanquam radiis, multis ramis, varie sibimet intextis & junctis spectaculo jucundo cor circumcingunt, ut eapropter cum venis sociis vasorum coronariorum obtinuerint potest* (две артерии... **совершенно как венец**, обхватывают основание сердца: пустивши вниз, **словно лучи**, многочисленные ветви, они, переплетаясь и различно между собой связываясь в привлекательном зрелище, окружают сердце, так что вместе с сопровождающими венами получили имя коронарных сосудов). Кроме двух образных сравнений, это описание весьма поэтично обыгрывает метафору, которая легла в основу устоявшегося термина. С помощью сравнения Тебезий описывает состояние сигмовидных клапанов в систоле сердца: *a sanguine in aortam irruente lateribus tanquam vela expansa* (**надутые** устремляющейся в аорту кровью, **словно паруса**...).

Метафоры в работе Тебезия служат той же цели, что и сравнения (как мы видим из предыдущего примера, эти фигуры у него порой выступают совместно), иными словами, наглядности описания. Этой же цели служат столь необходимые в анатомическом труде рисунки автора, изображающие предмет исследования: мы видим артерии, которые являются *soboles aortae* (**порослью** аорты); «окутанные жиром» и таким образом защищенные ветви сосудов, расположенные ближе к внешней поверхности: *ramos capaciores in superfivien externam... pinguendini involvit, ut rivuli... tuto sanguinem illis infundere possint* (более мощные ветви во внешней поверхности... **окутал жиром**, чтобы ручейки... **безопасно** кровь могли по ним вливать), и

venae... fibrarum tenuissimo strato indutae (вены... **одетые** тончайшим слоем волокон).

Чтобы описать поведение и положение различных сосудов сердца, Тебезий использует в метафорическом значении различные глаголы, производные с помощью приставок от глагола «бежать, идти», и целые выражения: *decurrere* (разбегаться), *purcurrere* (sic!) (бежать, мчаться); *via regia redire* (возвращаться по главной дороге).

Организм живого существа анатом изображает как живой, порой обладающий собственной волей. Так, описывая, что венозная и артериальная кровь в организме не смешиваются *sine sontica quadam causa* (без некоей уважительной причины), Тебезий использует глагол *abhorрere* 'с отвращением отвращиваться, испытывать отвращение': *illam paucillim sanguinis venosi miscelat cum arterioso adeo abhorрere [velim]* (что та крохотная частичка венозной крови **испытывает столь сильное отвращение** к артериальной). А некоторые каналы и сосудики сосудистой системы сердца столь малы, что *vix inquam conspiciendas se praebeant* (едва ли когда-либо **дают себя увидеть**).

При этом Адам Тебезий охотно и часто выражает восхищение искусным устройством живого организма. Мы встречаем в описании сердечного устройства оценочные эпитеты: *eleganter* 'изысканно', *pulcre* 'красиво', *insigniter* 'замечательно', *pulcherrimi* 'прекраснейшие', *mirus*, (ad)mirabilis 'удивительный', *jucundum*, *elegans* 'привлекательное, изящное', *stupendum* 'изумительное' и пр.

Для описания могущественной силы, стоящей за удивительным по красоте и целесообразности живым организмом, Тебезий использует чаще всего перифразы: Творец, Тот, кто создал, и только дважды слово *deus / DEUS* 'бог' (второй раз при этом выделенное разрядкой и прописными буквами).

Кажется, в исследовании Тебезия смешиваются представления о Боге, творце сущего, в том числе и живого организма, и искуснице-природе. Порой они неотделимы друг от друга и употребляются почти как синонимы, что, возможно, позволяет предположить пантеистические убеждения ученого анатома Тебезия. Так, ученый равно говорит о *sapientissimi Creatoris opere* (деянии **мудрейшего Творца**), о *sapienti Creatoris consilio* (мудром замысле **Творца**) и о *prudenti naturae consilio* (мудром замысле **природы**), или: о *summo rerum Opifice* (высшем **Творце вещей**), гармонично устроившем живой организм, и (почти тут же, параграфом ниже) об *operibus naturae* (творениях **природы**). Мы, возможно, могли бы говорить в этом отношении, что слово «природа» выступает в труде Тебезия перифразом понятия «Бог-Творец», однако мы видим здесь и некоторое противопоставление: если Бог как творец мира устраивает все гармонично, соразмерно, искусно и задает некие высшие законы созидания (*formationis lex*), которые *perspicere, nisi qui corpus animale condidit, possit nemo* (постичь не может никто, кроме **Того, кто создал живое тело**), то свойством искусной природы является созидание разнообразия, внесение в творение некоего мо-

мента игры, случайности, счастливой или несчастливой: *Ut proinde natura, ut alibi, sic et hic ludere aliquando videtur, neque formationis legi in omnibus tam severe adstricta esse velit* (Кажется, что **природа**, как в других случаях, так и здесь, порой **играет**, и не желает во всем строго следовать закону строения).

Такое поэтическое оформление научного текста связано со стремлением автора написать текст не только и не столько научный, сколько литературный, в диссертации Тебезия проявляются его поэтические пристрастия: известно, что этот крупный ученый и известный врач был также и поэтом, оставив читателю некоторое число кратких стихотворных произведений в разных жанрах (стихотворения на случай, эпиграммы, галантная лирика, элегии, торжественная ода, духовные стихотворения) [15]. В том, что врач писал стихи, не было в пору «галантного» века ничего удивительного: это было одно из умений и занятий, востребованных в образованном молодом человеке того времени. Иными словами, на рубеже XVII–XVIII вв. литературный труд, в частности поэзия, еще не становится областью профессиональной занятости, а, скорее, является неким хобби, которому образованные люди посвящают свободное время. Большинство ранних, написанных еще в студенческие годы стихотворений Адама Тебезия написаны на немецком языке в стиле маринизма (Джамбатисто Марино). Однако в связи с его научной работой и опубликованным им диссертационным исследованием наибольший интерес, на наш взгляд, представляет его латинская ода «Fama», посвященная победе над турками при Белграде (опубликована в 1717 г.). В этой оде, как и в диссертации, Тебезий демонстрирует читателю превосходное владение латинским языком. В оде он для этого использует весь арсенал стилистических приемов, «die gesamte Palette der dichterischen Moeglichkeiten eines Poeta doctus der galanten Lyrik» [15. S. 92].

Изложение деталей исследования, облеченное в литературные, поэтические выражения, может отражать не только поэтические пристрастия автора, но и быть и свидетельством того, что научная литература еще не выделилась в отдельный, обладающий специфическими чертами сегмент, а в соответствии с европейской, сложившейся еще в Античности традицией не выделяется из общего потока собственно литературных произведений. М. фон Альбрехт, характеризуя литературу античного Рима, пишет, что это понятие куда более широкое, нежели сегодняшняя «литература», ведь кроме «литературы вымысла» в Античности литературой считались также научно-популярные произведения самой разной тематики, речи и частная переписка, т.е. «художественная проза в широком смысле»: «Таким образом, границы между «изящной» и «прикладной» словесностью менее отчетливы, чем в Новое время: даже и «прикладные» тексты часто в определенной мере стремятся к изяществу, а «польза» в глазах римлян вовсе не порок для словесности изящной» [16. С. 17]. Та же ситуация сохраняется и в европейской литературе Средневековья: в понятие литературы включались «философский трактат, историческая хроника, житие святого, религиозное поучение, описание животных или минералов, рассказ о путеше-

ствии или разрозненные заметки «от скуки»» [17. С. 7–8]. О том, что литература в традиционалистских культурах остается «автономной реальностью особого рода, отличной от всякой иной реальности, прежде всего от реальности быта и культа» [18. С. 110], писал С.С. Аверинцев. В этот период развития литературы, когда законы жанров уже четко сформулированы, как пишет Аверинцев, «от произведения требуется как можно более отчетливая жанровая идентичность», а от автора с его индивидуальностью – участие «в «состязании» со своими предшественниками и последователями в рамках единого жанрового канона, то есть по одним правилам игры» [18. С. 111, 112]. Каждый последующий автор состязается с предшественниками и своими современниками: «Понятие «состязание» (...лат. *aemulatio*) – одна из важнейших универсалий литературной жизни под знаком рефлексивного традиционализма... Примеры можно с равным успехом брать из литератур эллинизма, Рима, Средневековья, как и Ренессанса, барокко и классицизма: коренного различия не обнаружится» [18. С. 112].

Проблема здесь, на наш взгляд, состоит в следующем: если для традиционалистских культур (каковой является и культура барокко) границы жанровых канонов уже четко сформулированы, то специфических жанровых канонов научной литературы еще не существует: «Ранние научные произведения создавались в жанрах трактатов, диалогов, рассуждений, «поучений», «путешествий», жизнеописаний и даже в стихотворных жанрах (оды и поэмы)» [19. С. 335]. Хотя в случае с Тебезием мы имеем уже вполне стандартизированное оформление и вынесенное в заголовок словосочетание *dissertatio medica*, но язык научного исследования еще не имеет стандарта, и здесь индивидуальность автора получает возможность в полную силу спорить с другими авторами произведений литературы.

Выводы

Начальный этап формирования языка науки определялся античной традицией, согласно которой изложение научного знания не представляло собой отдельного умения, отличного от умения риторического, а научная литература не выделялась из общего потока литературы и не обладала развитой системой собственных жанров. На каком этапе происходит это выделение – еще предстоит выяснить, однако наши наблюдения над языком одной латиноязычной диссертации позволяют предполагать, что язык науки XVII–XVIII вв. значительно более «риторичен» и более «авторизован», чем современный. Наряду с языковыми средствами смысловой и формально-композиционной организации текста, сходными с современными, мы видим значительно более сильный субъективно-оценочный компонент (в частности, обилие экспрессивных лексических и грамматических средств) и богатую образность, служащую наглядности изложения и чуждую современным канонам. Судя по тому, что исследованный нами автор обозначил жанр своей работы как диссертацию, выявленные особенности его языка считались в тот период допустимыми для этого жанра.

Литература

1. *Виноградов А.С.* Проблема авторской индивидуальности в научном лингвистическом дискурсе // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. № 1. С. 94–100.
2. *Котюрова М.П.* Смысловая структура русского научного текста и ее экстралингвистические основания (функционально-стилистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Свердловск, 1989. 30 с.
3. *Данилевская Н.В.* Интеллектуальная экспрессия научного изложения: психолингвистический аспект // Социо- и психолингвистические исследования. 2018. № 6. С. 83–89.
4. *Баженова Е.А.* Прагматические единицы научного текста // Филологические заметки. 2007. Т. 2. С. 221–225.
5. *Баженова Е.А.* Научный текст и среда // Вестник Пермского университета. Сер. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 2 (8). С. 60–64.
6. *Викторова Е.Ю.* Вспомогательная система дискурса. Саратов : Наука, 2015. 404 с.
7. *Супоницкая Н.С.* Способы языкового маркирования имплицитного «присутствия» автора в научном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61), ч. 1. С. 133–138.
8. *Зливко С.Д.* Образный компонент научных лингвистических текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008. 18 с.
9. *Мишланова С.Л., Уткина Т.И.* Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты). Пермь : Пермский гос. ун-т, 2008. 428 с.
10. *Пулов Е.В.* Метафоризация научного дискурса первой половины XX века (на материале лингвистических работ Л.В. Щербы, В.А. Богородицкого, Н.В. Крушевского, И.А. Бодуэна де Куртенэ) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78), ч. 1. С. 144–147.
11. *Пулов Е.В.* Сопоставительный анализ метафорики научного дискурса И.А. Бодуэна де Куртенэ и А.А. Реформатского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (64), ч. 2. С. 133–136.
12. *Thebesius A.Ch.* De circulo sanguinis in corde: Disputatio medica... pro gradu doctoratus. Lugduni Batavorum: Apud A. Elzevier, Academiae Typographium, M DCC VIII. 21 S.
13. *Баженова Е.А.* Развитие понятия «Смысловая структура научного текста» в функциональной стилистике // Филология в XXI веке. 2019. Спецвыпуск. № S1. С. 8–12.
14. *Викторова Е.Ю.* О некоторых проявлениях диалогичности в русском научном дискурсе // Филология в XXI веке. 2019. Спецвыпуск. № S1. С. 57–62.
15. *Mettenleiter A.* Thebesius als Dichter // Mettenleiter A. Adam Christian Thebesius (1686–1732) und die Entdeckung der Vasa cordis: Biographie, Textedition, medizinhistorische Würdigung und Rezeptionsgeschichte. Sudhoffs Archiv (47). Franz Steiner Verlag, 2001. S. 86–109.
16. *Альбрехт М. фон.* История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияния на позднейшие эпохи / пер. с нем. А.И. Любжин. М. : Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2003. Т. 1. 704 с.
17. *Михайлов А.Д.* Введение // История всемирной литературы : в 9 т. Т. 2. М., 1984. С. 7–23.
18. *Аверинцев С.С.* Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Историческая поэтика: Итоги и перспективы изучения. М., 1986. С. 104–116.
19. *Тяпкин Б.Г.* Научная литература // Большая советская энциклопедия. Т. 17. М., 1974. С. 335–336.

The Manifestation of the Author in the Dissertation (At the Origins of the Language of Science)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 71. 56–69. DOI: 10.17223/19986645/71/4

Natalia I. Danilina, Saratov State Medical University (Saratov, Russian Federation). E-mail: danilina_ni@mail.ru

Elena A. Razumovskaya, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: razumovskaja@mail.ru

Keywords: language of science, literary work, genre, canon, authorization, evaluation, expressiveness, metaphor.

The research objective is to identify the language features that characterize the genre canon of the dissertation at the initial phase of its formation and the limits of the author's freedom in selecting the language means of implementing this canon. The language of science of the 18th century, as well as of the earlier periods, is Latin, and it is there that the principles are born, which will then form the basis of the scientific style of contemporary national languages. The research material is the Latin text of the PhD thesis of the famous German anatomist Adam C. Thebesius (1668–1720) *De circulo sanguinis in corde* [About the Circle of Blood in the Heart]. The main research methods are stylistic and discourse analysis. Consistently analyzing Thebesius's text, we have found that many language means of formal and semantic architectonics of the text are similar to modern ones. Compositional features include the presence of an introduction describing the relevance of the research problem and the depth of its knowledge, the text division into paragraphs, the presence of an appendix, the system of bibliographical references and in-text references. Thebesius's text contains the syntactic operators that denote the sequence and logical relations of thought operations (*igitur, tamen, hoc vero, e contrario*, etc.), the evaluation of the truth of the statements (*nimirum, haud dubie, forsitan, videntur*, etc.), the means of reducing categoricity (*conjunctivus, futurum, gerundium*). Thebesius also uses the first-person plural forms of verbs in an inclusive and generalizing sense. At the same time, we find certain language features that are not present in modern dissertations. For example, the subjective-evaluative component is strongly expressed in Thebesius's text, and it is manifested both by expressive vocabulary (*insignius, artificiosus, ingeniose, forte fortuna*, etc.) and grammatical forms (*comparativus, superlativus*). Clarity is often achieved by rich imagery (similes, epithets, expanded metaphors). The noted similarities and differences in the language manifestation of the author allowed us to infer that the identified features of the language were acceptable for the research thesis genre in the 17th and 18th centuries. Thus, our observations suggest that the language of science at that time was significantly more "rhetorical" and more "authorial" than the contemporary one.

References

1. Vinogradov, A.S. (2017) Problem of author's individuality in scientific linguistic discourse. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*. 1. pp. 94–100. (In Russian). DOI 10.23859/1994-0637-2017-1-76-13
2. Kotyurova, M.P. (1989) *Smyslovaya struktura russkogo nauchnogo teksta i ee ekstralingvisticheskie osnovaniya (funktsional'no-stilisticheskiy aspekt)* [The semantic structure of the Russian scientific text and its extralinguistic foundations (functional and stylistic aspect)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Sverdlovsk.
3. Danilevskaya, N.V. (2018) Intellectual expression of scientific discourse: a psycholinguistic aspect. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya – Sociopsycholinguistic Research*. 6. pp. 83–89. (In Russian).
4. Bazhenova, E.A. (2007) Pragmatics of scientific text [Pragmatic units of scientific text]. *Filologicheskie zametki – Philological Studies*. 2. pp. 221–225.

5. Bazhenova, E.A. (2010) Scientific texts and the context. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya – Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*. 2 (8). pp. 60–64. (In Russian).
6. Viktorova, E.Yu. (2015) *Vspomogatel'naya sistema diskursa* [Auxiliary System of Discourse]. Saratov: Nauka.
7. Suponitskaya, N.S. (2016) The ways of the language marking of the author's implicit "presence" in the scientific text. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 7 (61). Pt. 1. pp. 133–138. (In Russian).
8. Zlivko, S.D. (2008) *Obraznyy komponent nauchnykh lingvisticheskikh tekстов* [The figurative component of scientific linguistic texts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
9. Mishlanova, S.L. & Utkina, T.I. (2008) *Metafora v nauchno-populyarnom meditsinskom diskurse (semioticheskiy, kognitivno-kommunikativnyy, pragmaticheskiy aspekty)* [Metaphor in Popular Scientific Medical Discourse (Semiotic, cognitive-communicative, pragmatic aspects)]. Perm: Perm State University.
10. Pulov, E.V. (2017) Metaphorization of scientific discourse of the first half of the 20th century (by the material of linguistic works of I.V. Shcherba, V.A. Bogoroditsky, N.V. Krushevsky, I.A. Baudouin de Courtenay). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 12 (78). Pt. 1. pp. 144–147. (In Russian).
11. Pulov, E.V. (2016) Comparative analysis of metaphors in J.N.I. Baudouin de Courtenay's and A.A. Reformatskii's scientific discourses. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 10 (64). Pt. 2. pp. 133–136. (In Russian).
12. Thebesius, A.Ch. (1708) *Disputatio medica inauguralis de circulo sanguinis in corde*. Doctoral Thesis. Lugduni Batavorum: Apud A. Elzevier, Academiae Typographium.
13. Bazhenova, E.A. (2019) The development of the concept "scientific text's sense structure" in functional stylistics. *Filologiya v XXI vek – Philology in the XXI Century*. S1. pp. 8–12. (In Russian).
14. Viktorova, E.Yu. (2019) On the dialogue nature of Russian academic discourse. *Filologiya v XXI vek – Philology in the XXI Century*. S1. pp. 57–62. (In Russian).
15. Mettenleiter, A. (2001) *Adam Christian Thebesius (1686–1732) und die Entdeckung der Vasa cordis: Biographie, Textedition, medizinhistorische Würdigung und Rezeptionsgeschichte. Sudhoffs Archiv* (47). Franz Steiner Verlag. pp. 86–109.
16. Al'brekht fon. M. (2003) *Istoriya rimskoy literatury ot Andronika do Boetsiya i ee vliyaniya na pozdneyshie epokhi* [History of Roman Literature from Andronicus to Boethius and Its Influence on Later Epochs]. Translated from German by A.I. Lyubzhin. Vol. 1. Moscow: Greko-latinskyy kabinet Yu.A. Shichalina.
17. Mikhaylov, A.D. (1984) *Istoriya vsemirnoy literatury* [History of World Literature]. Vol. 2. Moscow: Nauka. pp. 7–23.
18. Averintsev, S.S. (1986) *Istoricheskaya podvizhnost' kategorii zhanra: opyt periodizatsii* [Historical mobility of the category of genre: the experience of periodization]. In: *Istoricheskaya poetika. Itogi i perspektivy izucheniya* [Historical Poetics. Results and perspectives of the study]. Moscow: Nauka. pp. 104–116.
19. Tyapkin, B.G. (1974) *Nauchnaya literatura* [Scientific literature]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. Vol. 17. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 335–336.